

Павел Николаевич Пандер

КАНАЛ В МОЕЙ ЖИЗНИ

*«С остальными разговор короткий,
Социально-вредный элемент
Будет в ткань страны советской воткан.
Он как гравий нам пригоден все-таки
В наш тугой строительный момент».*
(Автор неизвестен)

Я был москвичом и газеты читал,
Поэтому знал кое-что про канал:
Что рядом с Москвою второй уже год
Постройка большого канала идет.
Что стало воды для Москвы уже мало
И с Волги её подадут по каналу;
Что станут полней москворецкие воды
И мимо Кремля поплывут пароходы.
А рядом с Москвою, нам радость даря,
Веселой волною заплещут моря.

А также я знал, что на стройке канала
Вопрос социальный страна разрешала.
Что там, в лагерях, в маете трудовой
Идет перековки процесс непростой.
Что воры, бандиты, попавши туда,
Пройдут обновленье в горниле труда
И выйдут потом на просторы страны,
Желания честно работать полны.

Но только никак я не знал, не гадал,
Что скоро судьбой моей станет канал.
Что дней и ночей моих долгий отсчет
В суровых его берегах потечет.
Как это случилось, рассказывать долго,
И мало от этой истории толка.
И нового в ней для читателя нет –
Тридцатых годов тривиальный сюжет:

Донос был сначала. Зачем? И о чем?
Три месяца следствие длилось потом.

В тюрьме предварительной всякое было:
Безрадостно, голодно, страшно, уныло.
Но вот совещаться отправился суд.
Так что же мне эти минуты несут?
Как судьи там то, чего не было, взвешают?
Что ж, дали три года. Спасибо, не десять...

Товарный вагон пересчитан, проверен.
Нас сорок голов, и параша у двери.
Пять суток состав пересчитывал шпалы,
Подолгу стоял, разгружая централы.
Мы в щели смотрели, где едем, гадали,
Но знали, откроется дверь на канале.
Но вот дотащил паровоз кое-как
Груз – тридцать вагонов – на адрес Дмитлаг.

Распахнуты двери в июньское лето.
Все залито солнцем и в зелень одето.
Шеренгою редкой стоят конвоиры.
Команда звучит: «Становись по четыре».
Не долгов поход – километров на пять.
Да ноги совсем разучились шагать.
Под склоном холма обнаружили вдруг
Полсотни бараков и зона вокруг.
Ну что ж, принимай, новоявленный дом!
Что здесь мы под крышей твоею найдем?

Нас в баню сводили, обрили кругом,
Обедом обильным кормили потом.
Три дня карантина. Поистине рай:

Работать не гонят – лежи, загорай.
Нас смотрят врачи, нам газету читают
И лагерный строгий закон разъясняют:
Что нас ожидает, чего от нас ждут,
Что мерой всему будет только наш труд.

С учетом здоровья назначится норма.
Вот тачка с лопатой – работой упорно.
Коль выполнишь норму, то будешь ты сыт,
И будет нормальным твой отдых и быт.
А будешь сверх нормы проценты давать,
И суп будет гуще, и мягче кровать.
А главное – будет ударный зачет,
Он срок сокращает, к свободе ведет.
Не выполнишь норму – пеняй на себя.
Нелегкие дни ожидают тебя.

Мы слушали жадно и жадно смотрели,
И жадно обеды и ужины ели.
И лагерной жизни смотрели картины
Сквозь сетку двойную оград карантинных:
Как утром у вахты проходит развод,
Как кто-то задание отрядам дает.
Отряд за отрядом проходят ворота,
И там их конвой принимает по счету.
И серой змеей через горб перевала
Они уползают на трассу канала.

И долго ползут они. Много их, много.
Но кончен развод, и пустеет дорога.
Лишь к вечеру ближе, не раньше чем в пять,
Дорога начнет заполняться опять.
Теперь уж оттуда, от трассы канала
Они появляются мало-помалу.
Сначала немного – бригады проворные,
Что быстро сумели управиться с нормою.
Чем дольше, тем чаще, плотнее их строй.
И вот уж текут непрерывной рекой.
Позднее все реже, а день угасает,
И тянутся те, кому сил не хватает.
А может, и те, кто ловчил и хитрил,
Но тяжки шаги их, и вид их уныл.

От вахты поток, растекаясь, дробится,
К столовой, к баракам ручьями стремится.
Помылись, поели, уже не толпою
Идут от столовой – по двое, по трое.
Молчат и смеются, махоркой дымят,
На длинных скамьях у барakov сидят.
Лежат на траве, «Перековку» читают.
Там двое дерутся, тут в карты играют.
Вон двое, в наколках, до пояса голы,
Ногами босыми гоняют футбол.
Какая-то надпись на здании дальнем.
Прочсть не могу, но как будто «Читальня».

А солнце все светит, трава зеленеет,
И что-то оттаяло, что-то светлеет.
Но в трудные ночи на этой неделе
Вновь тяжкие думы мне в душу глядели.
Довлела одна неотвязная тема.
И с жесткою ясностью встала дилемма:
Иль в вечной тоске о далеком и милом
Сквозь долгие годы влачиться уныло,
Из жизни своей, как пустую породу,
Заранее вычеркнув все эти годы,
И видеть лишь труд подневольный, пустой,
Тем статус раба утвердив за собой.
Иль в этом тяжелом и долгом пути
Суметь свое нужное место найти.

Да, нужное место. Да, здесь – на канале,
Куда по ошибке меня лишь сослали.
Но знаю, тоска и протеста попытки
Не в силах исправить жестокой ошибки.
Так лучше, чем скорби вериги нести,
Разумную твердость скорей обрести.
Да силу вернуть, что тюремной диетой
На нет сведена в предварилровке этой.
Не зря ведь комиссия в карту вписала:
«Ослаб, истощен, легкий труд для начала».

И вот с передышкой покончивши малой,
Впервые выходим на трассу канала.
Да, здесь не тюрьма, не четыре стены.
Здесь сила и воля, и разум нужны.
С Москвы и до Волги, от края до края
Гигантская стройка гремит, не смолкая.
Пройдут три коротких, три долгие года.
Меж пашен и нив поплывут пароходы;
Раскрывши широкие створки ворот,
Их мощные шлюзы пропустят вперед.
Над ними – изящны, прочны и просты –
Бетонными тиграми прыгнут мосты.
И, радуя глаз пассажиров веселых,
Цветы расцветут на откосах зеленых.

Так будет, а ныне лишь вышек охранных
Стоят два ряда на ногах деревянных.
С Москвы и до Волги чрез пашни и нивы
На сто километров их строй непрерывен.
Меж ними кишит и зимою, и летом
Людской муравейник гигантскою лентой.
Чредой непрерывной по трапам наклонным
Ползут муравьев вертикальных колонны.

Согнувши дугою тела напряженные,
Везут и везут свои тачки груженные,
Кайлом и лопатой, в жару или стужу,
В пески и суглинки вгрызаясь все глубже.
Но в тесных забоях, в колоннах усталых
Они не безлики – армейцы канала.
В упряжке одной и в единой купели,
Но разные судьбы, и воли, и цели.
Ну что ж, коль судьбу не дано выбирать,
То цель надо выбрать, а волю собрать.

Два первые дня облегченный режим –
Работаем мало, а больше глядим.
Забой нам отмерен и норма дана,
Но выполнил, нет ли, накормят сполна.

Но третий решающий день наступает,
И жесткие правила в силу вступают.
Мой первый урок был к обмеру готов,
Когда уж охрану снимали с постов.
И только лишь трое из нашей артели
Закончить свои кубометры сумели.
И всех нас, чтоб в норму быстрее входили,
На время в бригаду отказчиков влили.

Там было жулье, были просто бедняги,
А в лагере звали их всех доходяги.
Был там, кто не мог, был и кто не хотел,
Кому трудовой не под силу удел,
Готовые, лишь бы кайлом не махать,
На нарах тюремных весь срок отлежать.
Но только их в тюрьмы обратно не слали,
А тоже бригады из них создавали.

А шли бригадирами в эти бригады
Своею охотой тюремные гады:
Отпетые урки – кумиры шпаны,
Вершители судьб воровских – паханы.
Работать им честь не велит воровская,
Заставить других – это роль неплохая.

Такой бригадир да его три дружка
Держали бригаду в железных тисках.
И выполнит норму в положенный срок
И тот, кто не хочет, и тот, кто не мог.
Чужие кубы меж своими делили
И сами всегда в рекордистах ходили.
А с тем, кому этот дележ не по нраву,
умело и быстро вершили расправу.

Хоть им полномочий таких не давали,
Но власти на это глаза закрывали.
Был прав бригадир, и другого не надо,
Давала б свои кубометры бригада.
И в эти бригады на время вливали

Пришедших из тюрем, кого поначалу
С тюремной диеты от ветра качало.

И я угодил только прибыл с этапа
В учебную роту такого сатрапа.
И стал ненадолго предметом особым
Его беспокойной и мстительной злобы.
И самыми черными дни эти были
За долгие годы дмитлаговской были
И долго пред мысленным взором вставали,
А планы отмщения спать не давали.

Но время идет, и никто здесь не вечен.
Лопатою вкось его череп рассечен.
И слой двухметровый тяжелого ила
На нем землесосом могучим намыло.
Никто о судьбе его горькой не плачется,
А в списках поныне в побеге он значится.
Но это позднее, а пока приходилось
Работать, терпеть и накапливать силы.

Но кончилась «школа», и мало-помалу
Вживался я в трудные будни канала.
И тачка по трапу катилась все легче,
Окрепла спина и расправились плечи.
А в новой бригаде порядок и мир,
Спокойный, в годах, с хитрецей бригадир.
И норму досрочно я выполнить мог.
Но тут подошел медкомиссии срок,
И новая вписана в карту строка:
«Здоровье нормально, труд средний» пока.

Опять перемены, бригада чужая
И, самое главное, норма другая.
И нужно, чтоб справиться с нею опять,
Все силы, упорство и волю собрать.
Чтоб вместе с бригадой, что рядом с тобой,
Лопату бросать по команде «отбой».
Бригада глядит, не торопят, но ждут,

Как втянется новенький в новый хомут.
Что ж дело врачи в медкомиссии знают:
С трудом, но втянулся, уже привыкаю.
Но новая норма не только кубам,
И пайка на двести прибавилась грамм.

Хорошее лето стояло в тот год
Почти без дождей, только солнце печет.
Я солнце любил и в родной стороне
По солнечной улиц ходил стороне.
И в дней наших трудных цепочке унылой
Оно мне хорошим помощником было.
Порой его даже и лишку бывало,
И речки иль пруда ох как не хватало.
Вода родников по откосам стекала,
Текла по канаве по центру канала.
Всем телом своим в нем устроишь плотину,
И мутные струи бегут через спину.
И мокрым обратно за тачку родную,
А солнце обсушит, а ветер обдует.

Пять, десять минут занимал этот тур,
Пока у бригады идет перекур.
Ведь курят же дурни. Жратвы не хватает,
А пайку порой на махорку меняют.
Ещё один месяц прошел незаметно
Под небом июльским, под солнцем, под ветром.

На новый осмотр я пришел уже смело.
Здоровый, сухой, до черна загорелый,
Заранее знал я уже результат
И принял его как спортивный разряд.
И новая запись. Теперь уж навечно:
«Здоров и окреп. Труд тяжелый», конечно.
Тяжелый – недаром везде на канале
Зовется он так в документах формальных.
А тот, кто чрез это горнило прошел,
Тот знает, что он и в натуре тяжел.

По десять часов, с передышкою малою
Грузить и возить надо тачку упрямую.
И все-таки это не горе – работа!
И все-таки есть в ней азартное что-то,
Когда, то прохладе, то солнышку рада,
Забой свой глубокий штурмует бригада
И вешками выбранный грунт отмечает,
И время по солнцу, и тачки считает.

И груз свой вкативши и вывалив лихо,
Ты знаешь, что это не камень Сизифа.
И видишь, ладонью прикрывшись от солнца,
Налево, направо и до горизонта
Из хаоса глины, бетона, металла
Под гул землесосов, под гром аммонала
Рождается в муках громада канала.
И ритмом труда увлеченный невольно
О том забываешь, что он подневольный.

Вот день на исходе, и тянет прохладой,
И в землю лопаты втыкает бригада,
И тачки кладет аккуратной грядой.
Десятник с рулеткой приходит в забой.
Вдвоем с бригадиром замерят кубы
И каждому в табель отметят труды.
Коль выполнил норму, иди не спеша,
На вахту, прохладой вечерней дыша.
Еще два десятка таких подойдет,
Конвой нас построит и в лагерь сведет.

А если силен и характером тверд,
Работай еще и иди на рекорд.
В награду премблюдо в обед тебя ждет,
А может, отметка в досрочный зачет.
А тот, кому мерить забой еще рано,
Работай, покуда не сняли охрану.
Когда же охрана опустится с вышек,
Пеняй на себя, если нормы не вышло.
Пожиже баланда тебя ожидает,

И хлебная пайка твоя полегчает.
Что ж, все справедливо, законно и ясно
Для тех, кто доставлен сюда не напрасно:
За кражи, убийства, насилие, растраты,
За горе, в котором они виноваты.

А те, кто напрасно, по ложным доносам?
Нет, лучше не думать об этих вопросах.
А лучше взглядеться как следует надо,
Как трудится рядышком с нами бригада.
Их несколько, этих ударных бригад,
Где строится труд на особенный лад.
Закон у них твердый, для всех непрременный –
Сто двадцать процентов давать ежедневно.
И создан из этих рекордных бригад
Прославленный Тарьевский сводный отряд.

За то им почет и уход не поддельный –
В столовой сидят за столами отдельно
И в светлом бараке, построившись в ряд,
Не нары, а мягкие койки стоят.
Зачет на досрочность имеют немалый,
И звание носят – ударник канала.

Смотрю я на них и стараюсь понять,
Откуда сто двадцать процентов им взять?
И мускулов горы не ходят под кожей,
И сажень косую в плечах не уложишь.
Сухие, поджарые, солнцем сожженные,
Везут и везут свои тачки груженные.
Но знаю ответ на вопрос я заранее:
Они работяги, все это – крестьяне.

Другой очень редко к такому готов.
А это крестьянин тридцатых годов,
Который привык уже с детской поры
За плугом ходить от зари до зари.
Крестьянин, который не бросит косы,
Пока не обсохнет трава от росы.

Зачем они здесь? И какая беда
От пашен и нив привела их сюда?

По старым статьям, по указам по новым,
Но больше всего «от седьмого/восьмого»
За куль двухпудовый пшеницы казенной,
Тайком, под соломой с гумна увезенный,
За тайный покос на совхозных лугах,
За сбор колосков на колхозных полях.
Но есть и другие, хоть их и немного:
За старый обрез, бандитизм и поджоги,
За дым самогонный над спящим селом,
За череп проломанный в драке колом.
Да, разны они, но крестьянский их труд
Свел многих в бригады ударные тут.
А тем, кто не знал многолетней страды,
Не просто войти в их стальные ряды.

Что ж, я не крестьянин, не жал, не сажал,
За плугом тяжелым в полях не шагал,
С косою в росистых лугах не ходил,
Но шанс я имею – я лыжником был.
Кто ходит на лыжах для отдыха праздного,
Тому этой фразой немного сказано.
Но те, кто в леса наши снежные, дивные
Уходит со старта на трассы спортивные,
Те знают, что это нелегкое что-то,
Что это упорство, и труд, и работа.
Что в общем котле перемешаны тут
Здоровье и радость, терпенье и труд.

В убранство роскошное ели одеты,
За спину летят и летят километры.
И час напряженный за часом идет,
На свитере инея толстый налет,
А шаг все широк и дыхание стабильно,
И сердце работает ровно и сильно.
Ах лыжи... Леса, и равнины, и горы...
Я знаю, вернусь к вам, но, знаю, нескоро.

И вряд ли порадует скоро мой взор
Лыжни подмосковной знакомый узор.

Скорее проляжет она для начала
В таежной Сибири, по склонам Урала.
Но где-то пройдет по просторам отчизны
И след моих лыж, и лыжня моей жизни.
Отсюда сейчас, из-за проволок зоны,
Манящими кажутся все горизонты.
Но это в далеком, а в нынешнем ближнем
Вы мне помогите, любимые лыжи,
И станьте опорой надёжною мне
В суровом и трудном сегодняшнем дне.

Вторая неделя в ударной бригаде,
В том самом прославленном сводном отряде.
Знакомства прошел уже круг неизбежный.
Вхожу постепенно в их ритм железный.
С утра не понежишься, завтрак глотай
И к вахте скорей на проверку вставай.
Построившись быстро по пятеро в ряд,
Наш первый на трассу выходит отряд.
И хвост еще тянется пыльным путем,
А мы уж груженные тачки везем.
Дает бригадир указания четкие,
Полемики нет, перекуры короткие.
Кончаем не рано, когда как придется.
Какая погода, как грунт подается.
Но твердо одно, когда все, как один,
По двадцать процентов сверх нормы дадим.

Забой наш глубокий, у самого дна,
Но техника в помощь теперь нам дана.
Наклонный помост на откосе лежит,
И трос бесконечною лентой бежит.
А с троса свисают один за другим
Крючки на постромках и движутся с ним.
Ты тачку подвез, на ходу зацепил,
И трос ее вверх на откос потащил.

Зовется мехкрючник. Цены ему нет.
Народной смекалки блестящий совет.
Есть слухи, что тот, кто его подсказал,
Сам тачку недавно по трапам катал.
Когда же исполнить свой замысел смог,
Скостили ему весь оставшийся срок.
И вольным прорабом по трассе канала
Он детищ своих понастроил не мало.
И сколько кубов на хребты кавальеров
Втащили они – нет числа им и меры, –
Пока не пришел их сменить на откосы
Отряд экскаваторов и землесосов.

К нам техника стала в район поступать,
Когда мухи белые стали летать.
Но слухи о ней уже раньше ходили,
И много надежд и сомнений будили.
Коль техника эта приходит, то скоро
Нужны будут здесь слесаря и монтеры.
И будто бригады, не нужные тут,
На север начнут отправлять, в Воркуту.
Меня это очень касалось и лично:
Электрик был я и со стажем приличным.
Конечно, и раньше я думал об этом,
К электрикам местным ходил еще летом.
Но сказано было, в электрики тут
С твоею статьею пока не берут.

Выходит, что мне со своею бригадой
Скорее на Север настроиться надо.
Быть может, придется осваивать скоро
Труды лесоруба, а то и шахтера.
Но техники вал был могуч и высок,
И малый был дан освоения срок.
Пришлось руководству подход изменять –
С любую статьею в электрики брать.

И так в ноябре я бригаду покинул.
Свой путь шестимесячный взором окинул.

И дней хотя лучших теперь ожидал,
Но все ж не без грусти её покидал.
Нелегко был путь, но в душе я гордился,
Что целей поставленных все же добился.
Тех целей, что в мыслях себе намечал,
Когда я впервые увидел канал.
Кому-то смешно, я ж считал за награду,
Что принят на равных в такую бригаду.

Итак, я электрик, и с этой недели
Все новое: люди, работа и цели.
Мы тачек не возим, не машем кайлом.
Нам норма на шею не давит ярмом.
Но труд наш туда же по-прежнему вложен
И силой моторов стократно умножен.
Грунта кубометры, на сотни считая,
Струя монитора дробит, размывая,
И мутная пульпа, стекая с откосов,
Стремится в открытую пасть землесосов.
И гонят они её, жадно глотая,
По трубам наверх, передышки не зная.
И там растечется поток грязевой,
И ляжет метровый осадочный слой
Вдоль трассы канала широкой каймой.
А наша задача – любую ценою
Добиться, чтоб лился поток без простоя.
Чтоб сутки сменялись, сменялись недели,
Но ровно и мощно моторы гудели.

Ковши экскаваторов рыли и рыли,
И в гору мехкрючники тачки тащили.
Не просто задачу осилить такую,
Ведь все на времянках, на нитку живую.
Едва от дождей механизмы прикрыты,
И наспех столбы передач наших врыты.
И взрывы гремят на откосах канала,
Дробя неподатливый грунт аммоналом.
И комья летят неизвестно куда,
Дробят изоляторы, рвут провода.

И мощный мотор экскаватора встал,
И ствол монитора струю оборвал.
И ночью и днем то и дело аврал.

Да, ночью, бывает, теперь не до снов.
Две смены у нас по двенадцать часов.
Бригады уходят в обычное время,
А мы остаемся, пока нас не сменят.
А если аврал или срочное что-то,
Уйдем, когда кончена будет работа.
Нелегкая служба и легче не станет,
Но все же на тачку обратно не тянет.

А тут подошло облегченье большое:
Нам право дается ходить без конвоя.
Ведь тот, кто с работой и техникой дружен,
и ночью, и днем при авариях нужен.
Свой пропуск вахтеру теперь предъявил,
Он в список занес да и дверь отворил.
И нет никого у меня за спиной,
Осенняя темная ночь надо мной,
А близко гудки паровозов зовут
Туда, где Москва, где всегда меня ждут.

Зима на канале тяжелое время.
Мороз умножает обычное бремя.
Бригады в забоях кувалдой и клином
Дробят на осколки промерзшую глину.
Грохочет всю ночь аммонал на канале,
Чтоб днем экскаваторы дружно копали.
А мы, оттирая носы рукавицей,
Сидим на столбах, как промерзшие птицы,
И наспех латаем и чиним прорехи,
Что сделали взрывы в сетях наших ветхих.
Одно хорошо – то, что дни, словно искры,
В сплошной круговерти проносятся быстро.
И месяцы в зимних авралах промчались,
Ни дня не оставив тоске и печали.

Когда же вступила весна на порог,
Ушел мой начальник, окончивший срок,
И сдал мне, хоть этого я не хотел,
Увесистый воз недоделанных дел.
За пять километров на трассе канала
Теперь я в ответе, а это немало.
В ответе за то, чтобы днем и ночами
Ни часу моторы на них не молчали.
Чтоб ток, что течет над землей в проводах,
Стремил непрерывно кубы нагора.
Об этом ночами и днями подряд
Звонит телефона тревожный набат.
И снова туда, где разрывы гремят,
Спешит удалой аварийный отряд.

Стянув поясами монтажными куртки,
Выходят на дело вчерашние урки.
Хоть трудно пока положиться на них,
Но, хочешь не хочешь, а нету других.
Нет опыта, знаний, есть вера в удачу.
И лихо бригада решает задачу!
Да, с риском они познают ремесло,
На грани беды, но пока пронесло.

И вот уже новое лето застало
Меня на грохочущей трассе канала.
И срок мой короче на треть уже стал.
И мы изменились: и я, и канал.
Где он намечался средь трав непокорных
Лишь вышек пунктиром да содранным дерном,
Прорублено русло средь вздыбленных груд –
Стал ясным и зримым дмитлаговцев труд.

Где тачки катились по склонам откосов,
Там лязг экскаваторов, гул землесосов.
И ферма моста оперлась на бетон,
И сбросил, как шкуру, опалубку он.
И видно воочию: мало-помалу
Растет рукотворное чудо канала.

Здесь я, одолевши обиду и боль
Нашел свою трудную нужную роль.
Теперь уж не только статьей трибунала
Судьба моя связана с трассой канала.
А числятся ныне не малою мерой
Мои кубометры в его кавальерах.
И те, что я вырыл и выкатил снизу,
И те, что влекут нагора механизмы.
И дальше нам вместе немало идти.
Теперь мне с каналом уже по пути.
Чем жарче работа, тем ближе итог.
Одна у нас трасса, один у нас срок.

Эпилог

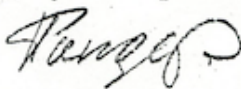
Мои земляки или гости столицы,
Быть может, и вам по каналу случится
Для отдыха просто иль с миссией важной
На лайнере белом проехать однажды.
То пусть ненадолго оставит ваш взор
Красот подмосковных неяркий узор.
И пусть промелькнут чередой короткой
Далекие дни в ретроспекции четкой.
Увидите вы: сотни вышек охранных
Стоят в два ряда на ногах деревянных.
С Москвы и до Волги, сквозь пашни и нивы
На сто километров их строй непрерывен.

Меж ними кишит и зимою, и летом
Людской муравейник гигантскою лентой.
Чредой бесконечной по трапам наклонным
Ползут муравьев вертикальных колонны.
Согнувши дугою тела напряженные,
Везут и везут свои тачки груженные,
В пески и в суглинки, в жару или стужу,
Кайлом и лопатой вгрызаясь все глубже.
Но в тесных забоях, в колоннах усталых,
Они не безлики – армейцы канала.

Пандер П.Н. Канал в моей жизни

В упряжке одной и единой купели,
Но разные судьбы, и воли, и цели.

И много здесь тех, кто в лихие метели
Случайно, как щепки, сюда залетели
В лихие метели, чья черная напасть
Все чаще врывалась во дней наших ясность,
Когда позабыв, что Ильич завещал,
Всю власть в одни руки ЦК передал.
А он, нарушая партийную клятву,
В свою прозорливость уверовав свято,
Поправ справедливость, не брезгуя злом,
К поставленным целям пошел напролом.
И судьбы летели как щепки из леса
Под грохот Магниток, под гул Днепрогэсов.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИСПРАВ.ТРУД. ЛАГЕРЕЙ
ДМИТРОВСКИЙ исправительно-трудовой лагерь
Центральный район
участок

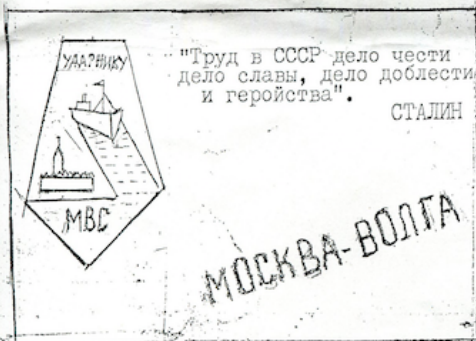
1937 г.
№ 240147

УДОСТОВЕРЕНИЕ

дано гр. Пандеру Павлу Николаевичу
рожден. 1912 года
урожден. г. Загорск Московской области
осужденному трибуналом XI стр, Кор. 16/41, 1935 г.
по ст. 58-10
к заключению ИТЛ на три года
и поражению в правах на 2 года, с 5/III 37г. - 5/III 40г.
В том, что он в связи с окончанием
строительства канала МОСКВА-ВОЛГА
за ударную работу досрочно
освобожден из Дмитлага НКВД
СССР 5 июля 1937 года.

На проезд выдано удостоверение
за № до ст. Саратов
при утере не возобновляется.
Видом на жительство служить не может.
Начальник центрального р-на
Дмитлага НКВД
Начальник уч. распред. отд.
Выдано из фонда освобождения
центральным районом
Дмитлага НКВД СССР
Руб. СТО

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ИСПРАВ. ТРУД. ЛАГЕРЕЙ
ДМИТРОВСКИЙ
исправительно-трудовой
лагерь
Центральный район
участок
1
1937 г.
№ 240147

УДОСТОВЕРЕНИЕ

дано гр. Пандеру Павлу Николаевичу
рожден. 1912 года
урожден. 2 Заволжска Московской обл.
осужденному В трудовом лагере № 134/1352
по ст. 5810
к заключению в ИТЛ на Три года
и поражению в правах на 2 г. с 5/11/37г. - 5/11/40г.
В том, что он в связи с окончанием
строительства канала МОСКВА-ВОЛГА

за ударную работу досрочно
освобожден из Дмитлага НКВД
СССР 5 мая 1937 года.

На проезд выдано удостоверение
за № до ст. Саратов
при утере не возобновляется.
видом на жительство служить
не может.

Начальник центрального р-на
Дмитлага НКВД Иван

Начальник уч. распред. отд. Иван

Выдано из фонда освобождения
центральным районом
Дмитлага НКВД СССР
Руб. СТД

В

От составителя:

Пандер Павел Николаевич родился в Загорске Московской области (ныне Сергиев Посад) в 1912 году. Во время прохождения службы в 1-ом батальоне 9 полка связи в Брянске 21 мая 1935 года был арестован Брянским отделом УНКВД и осужден военным трибуналом 16 июня 1935 года на три года исправительно-трудовых лагерей по ст. 58-10 ч.1 - контрреволюционная деятельность как действие, так и бездействие, направленные на ослабление советской власти (дело №17955-с). Красноармеец Пандер неосторожно отозвался о новом издании книги известной революционерки и писательницы Ларисы Рейснер. Суть отзыва заключалась в том, что в новом издании исчез Троцкий и появился Сталин. После чего красноармейцу Пандеру поручили доставить пакет документов в Брянское УНКВД, где среди прочих документов был и донос на самого Пандера. Там же он и был арестован. На втором году срока Павел Николаевич трудился уже бригадиром электриков и был расконвоирован, то есть мог свободно перемещаться за пределами лагеря. Примечателен случай, рассказанный родственниками Павла Николаевича - однажды по халатности одного из электриков произошел смертельный несчастный случай. Вся ответственность могла быть возложена на Пандера, вплоть до нового срока. И поддавшись эмоциям Павел Николаевич решил бежать из лагеря. На электричке он приехал из Дмитрова в Москву к родным. На следующий день мать, сестра и Павел Николаевич отправились в ГУМ, чтобы купить одежду. И вот в отделе мужской одежды Пандер столкнулся лоб в лоб с начальником Дмитлага. Так вот этот начальник, зная Пандера только с лучшей стороны, убедил его вернуться в лагерь. Впоследствии дело с несчастным случаем замяли и Павел Николаевич был освобожден досрочно. Так же родственники Павла Николаевича рассказали, что он, будучи электриком, наличие напряжения в розетке или на концах проводов проверял рукой, то есть напряжение 220 вольт не

причиняло ему никакого вреда. Павел Николаевич Пандер после освобождения из Дмитлага приехал в Саратов, так как был поражен в правах, в частности не мог жить в Москве. Но в 1937 году пошла новая волна арестов. 1 сентября 1937 года был арестован и расстрелян двоюродный брат Павла Николаевича. Чтобы избежать нового ареста Пандер П.Н. завербовался на Нижне-Тагильский металлургический комбинат. Трудился он на комбинате заместителем начальника доменного производства по электрооборудованию. 13 апреля 1961 года решением Военного трибунала Московского ВО Пандер Павел Николаевич был реабилитирован. В пятидесятые годы появилась возможность переехать в Череповец, но для этого Павлу Николаевичу нужно было подготовить замену. На эту роль Пандер выбрал молодого электрика Хрипка Юрия Ивановича, моего отца. Надо сказать, что Павел Николаевич и мой отец дружили с момента появления Пандера в Нижнем Тагиле. Павлу Николаевичу нравился смешильный паренек, который в 18 лет уже имел восьмой разряд. Отец рассказывал, что они много времени проводили вместе на работе и вне её. Пандер учил отца фотоделу, водить мотоцикл, бегать на лыжах и разумеется профессии. Стихи Павла Николаевича отец мне никогда не показывал. Я обнаружил этот текст в архиве отца уже после его смерти. В Череповце Павел Николаевич женился и стал счастливым отцом. Умер Пандер Павел Николаевич в 2007 году в возрасте 95 лет.

Хрипка Вячеслав Юрьевич

vkhripko@me.com

+7-925-208-12-98

www.rk.ru - сайт «Российское краеведение»